

ЭМИЛЬ БРАГИНСКИЙ:

Жизнь — это надежда

ПРЕДЬЮБИЛЕЙНЫЙ РАЗГОВОР

Годы летят, как угорелые. Кажется, еще недавно ходил в юношах, а вдруг подоспели юбилеи. "Не юбилейте!" — призывал классик и был, конечно, прав. Но и от своих лет никуда не скроешься. И вот мы сидим в уютном кабинете Эмиля БРАГИНСКОГО и ведём неспешно юбилейно-неюбилейные речи.

- Итак, ты опять в моде. По ТВ все время показывают "Иронию судьбы, или С легким паром", "Гараж", "Берегись автомобиля", "Сослуживцы", "Старик-разбойник", "Учитель пения", "Любовь с привилегиями"... Всех не перечислить. В 1995 году вышло сразу три картины по твоим сценариям. По французскому ТВ показан фильм Жан Люка Леоне "Филин", в котором Эмиль Брагинский — соавтор-сценарист. Издан двухтомник Брагинского и Рязанова, у тебя без усталости берут интервью, приглашают на ТВ и на престижные тусовки, на которые, правда, ты ни разу не пришел.

— Зато я готовил на кухню в передаче "Смак" у Андрея Макаревича.

— Никого не отравил?

— Обижаясь. А если серьезно, то это неверно, что я в моде. В моде добрый жанр киносазки, а он из нее и не выходил. Только денег на мои сценарии не находи-

лось целых пять лет. А затем деньги нашлись. И пошло тогда наработанное за не самое веселое мое пятилетие. Что касается интервью, то и журналистам надо существовать, поэтому я охотно даю интервью.

— Денег, точно, не находилось. С ними проблема и сегодня. Но, думается, не только в них дело. В режиссуре и кинобизнесе многие тогда решили, что зрителям нужны для развлечения лишь крутые боевики с сексом пополам. Брагинский-де устарел со своими киносказками.

— Давай уточним. Лучше говорить не о киносказке, а о городской сказке. Это особый жанр.

— О нем много писали: кто с восхищением, кто с пренебрежением. А ты что сам думаешь о его параметрах?

— Я не теоретик, а практик. Параметр же один. Это должна быть история, которая будет интересна зрителю и даст ему отдохновение и надежду. Надежда нужна и в самой противной ситуации.

— Изменилась городская сказка в нынешних условиях?

— Наверное, да. А может, и нет.

— Ты стал жестче, суровее?

— Я — нет. Но, разумеется, жизнь стала другой. Раньше правило начальство, теперь — деньги.

— На мой взгляд, "Московские каникулы" — новый шаг в твоём творчестве. (Хотя не могу не заметить при этом, что по-

чему-то ни тебя, ни выдающегося оператора Владимира Нахабцева не включили в лауреаты премии Московской мэрии). В фильме, поставленном А.Суриковой, меньше собственно "сказочного" элемента, что заложено в сценарии. На экране — узнаваемые реалии современного города, замечательно снятого Владимиром Нахабцевым. Это город с жесткими, даже жестокими нравами. А сюжет настолько условный, что даже не замечаешь.

— Сюжет заключает в себе любовную историю. С "некоторой" натяжкой: любовь вспыхивает между молодым человеком, который подвозит иностранцев с Шереметьева-2, и супербогатой итальянкой. Она в него просто втюрилась.

— В сценарии "Воровка" я бы не назвал сюжет слишком уж условным. И в фильме (режиссеры В.Краснопольский и В.Усков) тоже ощущается заметный сдвиг в сторону большей жесткости и достоверности.

— Этот сценарий вырос из моей пьесы. Правда, я ее сильно переделал. Так у меня всегда бывает, когда я превращаю пьесу в сценарий. Я учитывал, что молодежь стала гораздо более раскованной, напористой, без предрассудков. Сам сюжет в сценарии почти тот же, что и в пьесе. Разница только в деталях.

— Молодежь изменилась. А ты сам?

— Конечно, я постарел.

— Просто стал более взрослым. Творчески ты изменился?

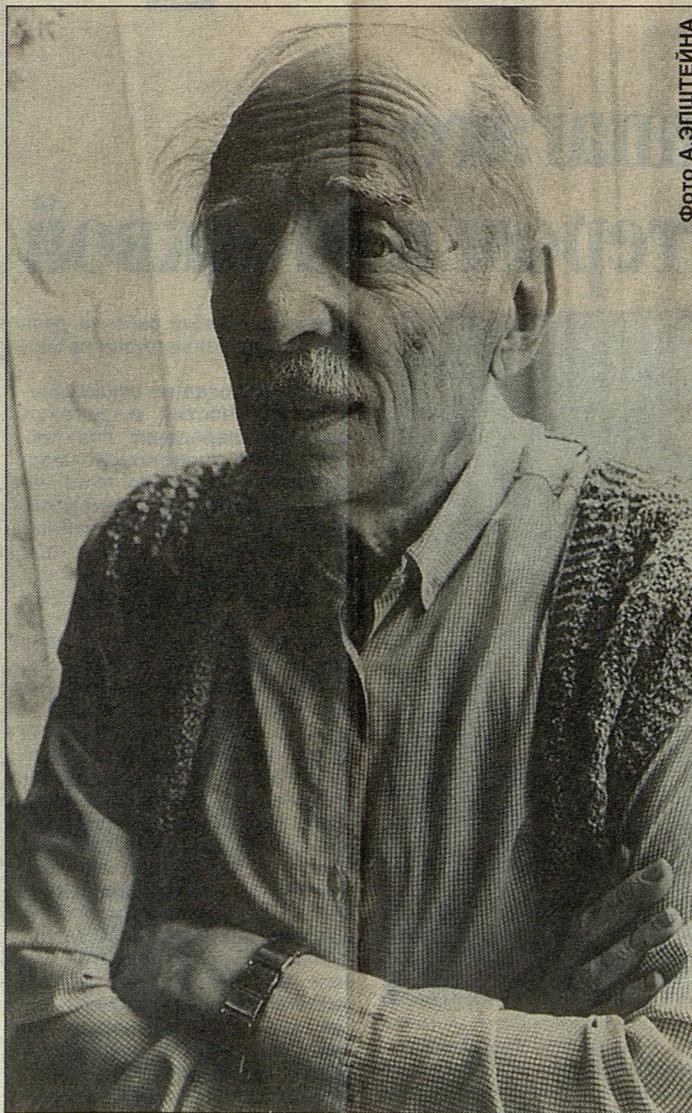

Фото А.ЭПШТЕЙНА

Кино

— Не знаю. Знаю одно. Встаешь утром с ощущением, что надо работать, но это не означает, что я хочу работать. Как каждый нормальный человек, в душе я лентяй.

— Ты — графоман. Или, как учили древние, "ни дня без строчки".

— Согласен. И "графоман", и "ни дня без строчки". Если я ничего не пишу, значит, я умер. Кстати, я не раз читал о себе статьи или рецензии, где меня хвалят, но пишу обо мне в прошедшем времени. А я придумываю истории в настоящем времени, в том, в котором живу. В моей последней пьесе написано так: "Действие происходит сегодня, может быть, вчера, но не позднее, чем завтра".

— А как тебе приходят в голову эти твои истории?

— Понятия не имею. Приходят и все... Они сами "ведут" меня. Я был и остался приверженцем сюжетной драматургии. Но главное, внимательно слежу, чтобы зрителям было интересно. Никогда заранее не знаю, в каком именно месте будут смеяться или улыбаться. И вообще, почему люди смеются? Для меня это вопрос.

— Могу тебя утешить. Природу смеха не раскрыл никто, хотя над нею ломали головы лучшие умы человечества.

— Тогда не стоит об этом говорить.

— Пьеса "Игра воображения" вызвала активный зрительский интерес. Может быть, его вызовет и фильм, поставленный М.Пташук. Но все же я не уверен, что этот фильм — самый удачный.

— Пожалуйста, у каждого может быть своя точка зрения. У меня с фильмом "Игра воображения" хорошие отношения. Но для меня есть и потери. К примеру, пропала одна из важных, определяющих реплик: "Если все надежды будут сбываться, они пе-

рестанут быть надеждами".

— Вероятно, в фильме превышена мера допустимой в кино условности — по сравнению с театром.

— Не согласен. В основе моих сценариев и пьес лежит всегда анекдотическая ситуация. История, когда, желая развестись, жена приводит вместо себя мужу замену, кажется мне вполне естественной. Мне одна зрительница даже прислала письмо: зачем вы рассказали мою личную историю?

— Впрочем, ощущение некоторой натужности в фильме "Игра воображения" возникает от странного, сумбурного начала, о котором режиссер потом словно забывает.

— Эпизод с танцем. Он — не в жанре, но зато как играют Костюлевский, Полищук, Селезнева!

— В Ирину Селезневу ты, помоему, "влюблен", что не удивительно. Поразительная актриса.

— Я от нее в неопишемом восторге.

— А как относишься ты к ее дуэту с Леонидом Ярмольником в "Московских каникулах"?

— Очень хорошо отношусь.

— А пьесы твои идут сейчас?

— Да, понемножку идут. "Жизнь без ключа" играют в Кирове, в Комсомольске-на-Амуре, в Северодвинске... Посмотрим, как сложится судьба у новой пьесы "Игра втроем". На нее много возлагаю надежд.

— У тебя идут переговоры в Голливуде относительно кинопостановки по твоему сценарию.

— Это громко сказано. Лично я никаких переговоров не веду. Но Александр Атанесян предложил мне, к моему удивлению, написать вместе, по его идее "мелодраму с юмором". Сценарий закончен и называется "Слепой дождь". Атанесян надеется по-

ставить этот фильм в Голливуде в 1998 году.

— Мелодрама — жанр, нередко близкий к комедии. Но вообще-то комедия — главное твое призвание. Критики не раз тебя хвалили или обвиняли в утешительстве.

— Утешительство не я выдумал, оно в традициях русской литературы.

— Какая комедия тебе ближе всего?

— Пожалуй, французская, если говорить о кино. У американцев есть блистательные комедии. Но у нас на ТВ преобладают те, что подешевле и поглупее. Там все построено на том, что у кого-то где-то рвется, кто-то куда-то садится, падает, разбиваются машины... Такие комедии лишь портят вкус и зрителей, и режиссеров.

— А твои комедии? Это комедии характеров, положений, трюков?

— Нет, нет, у меня трюков нет. Существует испорченный термин: "лирическая комедия"... У меня, возможно, такая вот странная пометка комедии характеров с комедией положений.

А может быть, и не стоит искать дополнительных определений? Они подчас скорее затемняют дело. Комедия есть комедия. Живое, полное неожиданностей и несоответствий действие, счастливо разрешающееся. Есть не только трагический, но и комический катарсис. Более земной, тем не менее удивительно просветленный; не просто утешающий, но будящий в нас стойкую надежду на лучшее будущее и веру в свои силы. Раз смеемся, значит, живем! Этот творческий принцип и исповедует Эмиль Брагинский. Всю свою жизнь.

Беседу вел Евгений ГРОМОВ